

Проблемы и вызовы ядерного сотрудничества США и Саудовской Аравии в условиях региональной эскалации

Комментарий Центра АРВАК, 28.07.2026

Аннотация

АРВАК анализирует подписание США и Саудовской Аравией соглашения о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергетики («Соглашение 123»). Рассматриваются глубинные причины этого шага Вашингтона, обусловленного провалом попыток дипломатического и силового урегулирования иранской ядерной проблемы. Исследуется сложная конфигурация интересов США, Саудовской Аравии и Израиля, а также влияние сделки на региональную архитектуру безопасности. Особое внимание уделяется рискам «ядерного расползания» в регионе и стратегии Эр-Рияда по диверсификации связей в пользу Китая, что ставит под вопрос устойчивость американского влияния на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: США, Саудовская Аравия, Соглашение 123, ядерная программа, Иран, Израиль, Авраамические соглашения, архитектура безопасности, Китай, Ближний Восток, мирный атом.

1. Генезис и эволюция соглашения США и КСА по «мирному атому»

22.07.2026 президент Дональд Трамп заявил, что США заключают с Королевством Саудовская Аравия (КСА) соглашение по «мирному атому», что стало достаточно неожиданной новостью на фоне третьей за последний год антииранской кампании США и крайне сложной ситуации в регионе Персидского залива.

Заявленное Д. Трампом соглашение знаменует собой финал продолжительного переговорного процесса, базовые принципы которого были заложены еще в 2008 году с подписанием меморандума о взаимодействии в сфере ядерной энергетики (МОИ). Полноформатные предметные обсуждения по заключению соглашения, получившего название «Соглашение 123» ввиду отсылки к соответствующему разделу американского Закона об атомной энергии 1954 года, начались в 2012 году в период президентства Барака Обамы. Дополнительный импульс этот процесс получил в 2018 г., во время первого президентского срока Дональда Трампа. Однако после событий 07.10.2023 и последовавших за ними карательных действий Израиля в секторе Газа переговоры замедлились из-за несогласия Эр-Рияда с позицией Вашингтона, демонстрировавшего лояльность Тель-Авиву. Впоследствии интенсивный диалог возобновился, результатом чего стала полная готовность документа к подписанию к октябрю 2025 года. Тем не менее процедура была отложена по решению Д. Трампа, что, судя по всему, объяснялось проведением дополнительных согласований с израильским руководством.

2. Дилемма США: между требованиями Израиля и запросами КСА

В мировых средствах массовой информации данная новость вызвала широкий резонанс, поскольку Д. Трамп, в отличие от своего предшественника Дж. Байдена, изначально не стал требовать от Саудовской Аравии признания Государства Израиль в обмен на развитие ядерной программы. Тем не менее позиция Белого дома быстро изменилась: уже на следующий день американский президент заявил, что сделка возможна лишь при условии присоединения Эр-Рияда к «Авраамическим соглашениям».

Подобный шаг автоматически обязывал бы Саудовскую Аравию сначала признать еврейское государство, а затем нормализовать с ним отношения, что предполагает отказ от взаимных претензий и развитие тесного сотрудничества в сфере экономики, внешней политики и культурных связей. Однако еще через сутки стало известно о новой корректировке требований: Д. Трамп напрямую призвал Эр-Рияд официально признать Израиль, на этот раз без упоминания «Авраамических соглашений».

Постоянные изменения условий, выдвигаемых саудовской стороне, равно как и общая импульсивность предпринимаемых шагов, указывают на то, что на протяжении двух дней Тель-Авив и Эр-Рияд поддерживали непрерывный диалог с Вашингтоном, оказывая взаимное давление на главу Белого дома. По всей видимости, Д. Трамп заговорил об «Авраамических соглашениях» под влиянием резкого недовольства со стороны израильского руководства, отреагировавшего на известие о готовности США подписать «Соглашение 123» без каких-либо встречных обязательств со стороны Эр-Рияда. Не исключено, что в ответ на это Саудовская Аравия заняла жесткую позицию и пригрозила полным выходом из сделки. В результате американский президент вновь скорректировал свои требования, ограничившись лишь условием официального признания Израиля и исключив из своей риторики упоминание об «Авраамических соглашениях».

3. Параметры и риски сделки

Подписание соглашения по ядерной программе, по всей видимости, состоялось с расчетом на выработку компромисса по израильской проблематике в будущем. В случае отсутствия блокирующих действий со стороны Сената и Палаты представителей в течение 90 дней после поступления документа в Конгресс соглашение официально вступит в силу. Это позволит КСА использовать технологическое содействие, экспертную базу и сырьевые ресурсы США для масштабирования элементов своей «мирной ядерной программы», находящейся на начальном этапе. Для обеспечения потребностей гражданской инфраструктуры и диверсификации энергобаланса растущей национальной экономики Эр-Рияд получает право на обогащение урана на своей территории в рамках «развития мирного атома». В соответствии с обязательствами, зафиксированными в договоре и Разделе 123 Закона США об атомной энергии, саудовская сторона обязуется не переводить гражданские ядерные разработки в военное русло, гарантируя Вашингтону возможность осуществления полного мониторинга. Представители администрации президента США заявляют, что параметры данной сделки стоимостью в десятки миллиардов долларов и периодом действия 30 лет полностью исключают трансформацию «мирной программы» Эр-Рияда в военный ядерный проект. Саудовское руководство разделяет эту позицию, обосновывая подписание документа исключительно задачами модернизации экономики и диверсификации источников энергии.

Тем не менее, по мнению ряда экспертов, развертывание замкнутого цикла в рамках мирных ядерных разработок технически открывает Саудовской Аравии путь к обогащению урана до оружейного уровня. При этом аналитики подчеркивают отсутствие твердых гарантий того, что Вашингтон и Эр-Рияд не придут к обоюдному политическому согласию по данному вопросу. Допускается, что ухудшение геополитической обстановки в мире и

регионе может побудить США в среднесрочной перспективе счесть целесообразным предоставление Королевству доступа к ядерному оружию. С этой точки зрения примечателен тот факт, что обе стороны приложили усилия для существенного ограничения международного контроля над американо-саудовской программой.

Также в Соглашение не включен так называемый «Дополнительный протокол МАГАТЭ», что значительно ограничивает возможности агентства по проведению внезапных проверок. В то же время базовый мониторинг уже заявленных объектов со стороны МАГАТЭ будет продолжен, однако осуществление расширенных инспекций в отношении незадекларированных технологических центров окажется невозможным. По мнению экспертов, именно эта деталь несет в себе ключевую угрозу: Саудовская Аравия получает гипотетическую возможность параллельно с официальным продвижением гражданской программы «мирного атома» скрытно разрабатывать технологии создания боевых ядерных зарядов на засекреченных объектах.

4. Ядерный фактор как инструмент сдерживания ИРИ

В качестве дополнительного подтверждения наличия долгосрочных геополитических планов Вашингтона и Эр-Рияда аналитики указывают на специфический таймфрейм заключения рамочного договора. Логично предположить, что данный шаг напрямую обусловлен иранской повесткой Белого дома – окончательным провалом переговорных циклов в Омане и Швейцарии и возобновлением активной фазы вооруженного противостояния с ИРИ. Отказ Тегерана от демонтажа ядерной инфраструктуры и передачи накопленных запасов обогащенного урана третьей стороне фактически торпедировал американскую концепцию мирного урегулирования. В то же время данные американской разведки заставили администрацию отказаться от проведения масштабной диверсионной операции, нацеленной на насильственное изъятие иранских ядерных активов. Стремясь избежать стратегического тупика, обусловленного невозможностью решить вопрос денуклеаризации Ирана ни дипломатическим, ни силовым путем, Вашингтон инициировал процесс симметричного балансирования ядерного потенциала в регионе. Это предполагает предоставление ключевому региональному оппоненту Ирана – Саудовской Аравии – аналогичных технологий обогащения. Косвенным свидетельством такой стратегии является и то, что все параметры «Соглашения 123» были согласованы еще к осени 2025 года. Искусственное затягивание подписания документа объяснялось расчетом США на успех весенней военной кампании против ИРИ, которая должна была поставить точку в «ядерных амбициях» Тегерана. В подобном сценарии Вашингтон рассчитывал продиктовать Эр-Рияду максимально жесткие условия, включая безоговорочное признание израильского суверенитета в устраивающих Тель-Авив границах и интеграцию КСА в структуру «Авраамических соглашений».

Таким образом, стратегическая неопределенность в вопросе принуждения Ирана к отказу от ядерных разработок и капитуляции вынуждает США руководствоваться логикой симметричного технологического усиления его главного регионального соперника. Белый дом исходит из того, что подобный подход позволит либо добиться уступок от Тегерана в ходе потенциальных мирных консультаций, либо, при

неблагоприятном сценарии, запустить механизмы ослабления регионального влияния Исламской Республики и эффективного сдерживания ее ядерных устремлений.

Данный вопрос представляет для Вашингтона критическую важность, вынуждая действовать оперативно, даже ценой существенного ущерба интересам своего главного союзника в регионе – Израиля. Тель-Авив не готов мириться с мыслью о недостижимости иранской ядерной инфраструктуры и запасов обогащенного урана для американско-израильских сил и поэтому настаивает на завершении войны на условиях гарантированного лишения Тегерана любых перспектив развития собственной ядерной программы.

В то же время израильская сторона, обладающая на сегодняшний день эксклюзивным статусом ядерной державы на Ближнем Востоке, категорически выступает против расширения данного клуба за счет арабских государств. В идеале Тель-Авив предпочел бы для Саудовской Аравии повторение сценария ОАЭ, где после запуска АЭС «Барака» в 2008–2009 гг. последовал добровольный отказ от собственного ядерного топливного цикла, включая переработку отработанного сырья и обогащение урана. Официальный Абу-Даби тогда сознательно пошел на этот шаг, стремясь исключить любые подозрения в наличии намерений по разработке ядерного оружия. Однако Эр-Рияд с самого начала придерживался иной позиции. В ответ на это Тель-Авив обозначил для Белого дома жесткие рамки: согласие на сделку увязывалось с полным признанием Саудовской Аравией суверенитета Израиля и ее последующей интеграцией в «Авраамические соглашения». Тем не менее текущая спешка вынуждает Вашингтон пренебрегать максималистскими условиями своего ключевого партнера, хотя США параллельно продолжают добиваться от Королевства определенных уступок в пользу израильских требований.

5. Трансформация региональной архитектуры безопасности и роль КНР

Эскалация иранского кризиса заставила государства Персидского залива переосмыслить устоявшиеся подходы к обеспечению региональной стабильности, выведя на первый план дискуссию о необходимости диверсификации архитектуры безопасности. Практика продемонстрировала неспособность США обеспечить надежную защиту арабских монархий, а также их ключевых промышленных объектов добычи и логистических маршрутов транспортировки углеводородов. Американская система стратегического сдерживания, формировавшаяся на Ближнем Востоке на протяжении многих десятилетий, не только продемонстрировала свою неэффективность в противодействии вызовам со стороны Тегерана, но и самим фактом своего развертывания послужила «раздражителем», спровоцировавшим Иран на прямую конфронтацию с соседями по региону. В сложившихся условиях Саудовская Аравия, выступающая признанным лидером данного блока, на уровне высшего государственного руководства неоднократно заявляла о намерении добиться вывода американских военных объектов и контингентов со своей суверенной территории, поскольку их присутствие расценивается как дестабилизирующий фактор в отношениях с Тегераном. Вместо этого Эр-Рияд планирует активно продвигать обновленную концепцию коллективной безопасности, базирующуюся на многовекторности и диверсификации оборонных связей государств Залива.

Учитывая колоссальный рост финансово-экономического присутствия Китая в зоне Персидского залива за последние десятилетия, предположения экспертов об усилиях Эр-

Рияда по привлечению Пекина к трансформации региональной архитектуры безопасности выглядят вполне закономерно. На сегодняшний день КНР выступает ключевым торгово-экономическим партнером для целого ряда арабских монархий, лидирующее место среди которых занимает Саудовская Аравия, чей взаимный товарооборот с Пекином уже перешагнул рубеж в \$100 миллиардов. Основу этого экономического взаимодействия составляет закупка Китаем саудовских углеводородов и нефтехимической продукции, формирующих порядка 17% суммарного экспорта Эр-Рияда; зеркально на долю КНР приходится около 12% общего объема импорта Королевства.

На фоне столь глубокой экономической интеграции аналитики констатируют явную асимметрию в военно-политической составляющей двусторонних отношений. Поскольку данный субрегион является критически важным источником энергетического сырья для Китая, любая его дестабилизация несет прямые риски для безопасности второй экономики мира, что предопределяет долгосрочное стремление Пекина к оформлению собственного военного присутствия здесь в той или иной конфигурации. Важным стабилизирующим фактором в данном контексте выступает способность Китая поддерживать сбалансированные и ровные контакты как с Саудовской Аравией, так и с Ираном, что потенциально позволяет КНР действовать в качестве модератора, способного уравновесить амбиции и нивелировать разногласия между ключевыми ближневосточными лидерами.

В Вашингтоне отдают себе отчет в том, что война, развязанная против Ирана, нарушила региональный баланс сил и привела к образованию вакуума безопасности. В случае достижения компромисса между ключевыми государствами Персидского залива это свободное пространство способна занять КНР. Шансы на достижение подобного консенсуса весьма велики, так как Пекин, в противовес Вашингтону, придерживался нейтральной позиции и маневрировал между сторонами арабо-иранского конфликта. Это обусловлено стратегическим значением Ирана для логистической системы инициативы «Один пояс, один путь», а также высокой зависимостью китайской экономики от поставок энергоносителей из арабских монархий региона. В силу данных факторов посредничество и «арбитраж» Китая имеет потенциал стать более эффективным инструментом обеспечения стабильности, нежели американская стратегия, опирающаяся на одностороннее силовое регулирование в данном регионе.

Предоставление Эр-Рияду возможности развивать собственную ядерную программу под американским контролем в противовес иранским проектам выступает попыткой Вашингтона затормозить ослабление своего влияния на Саудовскую Аравию и другие арабские монархии. Данный шаг призван сформировать новый контур зависимости Королевства от США, одновременно нейтрализуя риски глубокого военно-технического продвижения Китая в Ближневосточный регион. В Белом доме полагают, что гипотетическое создание потенциала для разработки ядерного оружия на основе гражданского проекта «мирного атома» саудитов остается на сегодняшний день безальтернативным инструментом, способным сдержать переориентацию Эр-Рияда на Восток.

В Вашингтоне серьезно относятся к неоднократным заявлениям фактического лидера Саудовской Аравии принца Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда: если (шиитский) Иран обзаведется ядерным оружием, (суннитский) Эр-Рияд приложит все усилия для создания

собственного ядерного арсенала. Данная позиция фактически представляла собой ультимативное условие, адресованное США: американская сторона должна была либо полностью ликвидировать иранский ядерный проект, либо предоставить саудитам возможность для разработки ядерного оружия. Текущие действия Соединенных Штатов демонстрируют, что Белый дом признал невозможность реализации первого из этих требований. В сложившейся ситуации у Вашингтона не осталось альтернатив, поскольку срыв «ядерной сделки» с Эр-Риядом позволит Китаю занять образовавшийся вакуум. Пекин, проявляя осторожность, едва ли станет действовать напрямую – вероятнее всего, он задействует Пакистан, с которым у Саудовской Аравии уже сформирован всеобъемлющий военно-политический союз. Если события пойдут по такому сценарию, США полностью лишатся рычагов контроля над региональными *«мирными ядерными программами»*, которые могут стремительно перерасти в прямую гонку ядерных вооружений.

6. Перспективы «ядерного расползания» для Ближнего Востока

Эксперты подчеркивают, что США после долгой паузы в сделке с саудитами теперь уже явно спешат. Это продиктовано осознанием невозможности купировать *«ядерные амбиции»* в регионе, которые Вашингтону остается только взять под свой контроль и под собственное технологическое обеспечение. Однако это, в свою очередь, чревато массой других проблем, которые, вопреки расчетам Вашингтона, могут не замедлить, а, напротив, ускорить и масштабировать процесс расползания *«ядерных амбиций»* по региону и миру. В первую очередь Иран на фоне американо-саудовской сделки получит дополнительные основания для легитимации собственной самостоятельной ядерной программы. Также Турция интенсифицирует свои работы в этой области, которые она до последнего времени старалась не афишировать. Не исключено, что о своих притязаниях заявит и Египет, симметрично требуя признать за ним право на запуск собственного ядерного цикла. Это будут трудноуправляемые для США процессы, поэтому *«Соглашение 123»* с КСА уже сегодня многим экспертам напоминает эффект открытия «ящика Пандоры».